

«Семь раз нерусский»: интервью о жизни в Сибири с Г.Ц. Пюрбеевым

Эльза-Баир М. Гучинова

*Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия, bairjan@mail.ru*

Аннотация. Публикация посвящена памяти о депортации калмыцкого народа в Сибирь (1943–1957 гг.) и является частью проекта «У каждого своя Сибирь». Она состоит из предисловия, текста биографического интервью с выдающимся калмыцким филологом Г.Ц. Пюрбеевым и авторского комментария. Интервью записано в декабре 2021 г., оно было свободным, текст был транскрибирован без изменений и авторизован. Цель публикации – показать память о сибирском детстве и социализации калмыцкого мальчика в 40–50-е годы в СССР. Автору важно выявить сюжеты, образы и оценки, характерные для нарратива о Сибири «поколения 1,5» (Rumbaut), показать возможности спонтанного рассказа о травматическом событии, в котором «проговаривается» травма и ее проявления. Текст интервью проанализирован с помощью герменевтического метода. Как подтверждает интервью, «поколение 1,5» отличалось от «поколения 1» в первую очередь тем, что его представители не состояли на личном учете в комендатуре, что малой родиной для них стало сибирское село. Однако судьба Г.Ц. Пюрбеева выделяется среди большинства его сверстников сохранением полноценной калмыцкой речи. Дискурсивные стратегии этого нарратива свидетельствуют о позитивном характере памяти о тяжелом периоде (по Дж. Александеру). Тексты интервью и комментариев будут интересны всем исследователям депортации калмыков и памяти об этом периоде.

Ключевые слова: калмыки, Сибирь, депортация, устная история, нарратив, «поколение 1,5»

Для цитирования: Гучинова Э.-Б.М. «Семь раз нерусский»: интервью о жизни в Сибири с Г.Ц. Пюрбеевым // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 117–136. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-117-136

“Sevenfold not Russian”. Interview about life in Siberia with G.Ts. Pyurbееv

Elza-Bair M. Guchinova

*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, bairjan@mail.ru*

Abstract. The publication is dedicated to the memory of the deportation of the Kalmyk people to Siberia (1943–1957). This is a part of the project “Everyone has their own Siberia.” It consists of a preface, the text of a biographical interview with the outstanding Kalmyk philologist G.Ts. Pyurbееv and the author’s commentary. The interview was recorded in December 2021; it was free-flowing, the text was transcribed without changes and authorized. The purpose of the publication is to show the memory of the Siberian childhood and the socialization of the Kalmyk boy in the 40s-50s in the USSR. It is important for the author to identify what plots, images and assessments are characteristic of the “generation 1.5” (Rumbaut) narrative about Siberia, to show the possibilities of a spontaneous story about a traumatic event in which trauma and its manifestations are “spoken out”. The text of the interview was analyzed using the method of hermeneutic analysis. The discursive strategies of the narrative testify to its positive nature of memory (according to J. Alexander). The texts of the interviews and comments will be of interest to all researchers of the deportation of the Kalmyks and the memory of this period.

Keywords: Kalmyks, Siberia, deportation, narrative, Generation 1.5, language of trauma

For citation: Guchinova, E.-B.M. (2023), “ ‘Sevenfold not Russian’. Interview about life in Siberia with G.Ts. Pyurbееv”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 3, pp. 117–136, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-117-136

Введение

Методы устной истории становятся все более востребованными в антропологических исследованиях, особенно когда в фокусе повествования находится важный период в истории народа, его депортация в Сибирь и 13-летнее проживание в условиях дисперсного расселения и в статусе спецпереселенцев. Неблагоприятная социальная обстановка и бедственное положение калмыков первых сибирских лет отразились на источниках – этот период мало документирован материалами личного происхождения. В условиях недостатка письменных, визуальных источников, освещающих

повседневную жизнь калмыков в Сибири, устные рассказы становятся чуть ли не единственным источником для изучения. «Устная история возвращает историю людям, – писал Пол Томпсон, – и это история, рассказанная их собственными словами» [Томпсон 2003, с. 303]. Теперь, когда в обществе хорошо известны общие контуры депортации калмыков¹, появляется интерес к подробностям сибирской повседневности. В наши дни запрос на коммуникативную память особенно высок, многие современники упустили шанс расспросить своих близких о той жизни в Сибири, поэтому история о жизни в Сибири незнакомой для читателя семьи вполне может быть похожей на историю его семьи. Каждое интервью позволяет проследить общественные изменения, имевшие место с калмыками в годы депортации и конкретизировать их на примере индивидуальной биографии.

Когда было разрешено вспоминать о депортации в публичном пространстве в 1990-х гг., политический запрос сверху был направлен на обличение преступлений тоталитарного режима в СССР, первая волна воспоминаний делала акценты на виктимности, на перенесенных трудностях. Безусловно, именно травматические сюжеты освещаются в первых публичных нарративах 1990-х гг., поэтому их трагический характер был закономерен.

В наши дни, когда российское государство в Законе «О реабилитации репрессированных народов» в 1991 г. осудило депортации народов в СССР как преступления, калмыцкие нарративы о Сибири становятся важными для исследования вопросов, связанных с внутренней жизнью человека, вопросами формирования идентичности и самоидентификации, а также хроники малоизвестной повседневности. При изучении нарративов о Сибири «биография и идентичность оказываются невозможными *вне* истории о пережитой травме» [Ушакин 2009, с. 9]. В эти годы опубликованы несколько сборников воспоминаний о Сибири, десятки мемуаров многих известных в республике людей, вышли спектакли и кинофильмы на эту тему. Таким образом складывалась коллективная память о сибирских годах, и любой рассказчик, говоря о себе, не мог быть абсолютно свободен от сюжетов и форматов коллективного нарратива, с которым так или иначе он был знаком.

Вслед за социологами, понимающими биографию как социальный конструкт социальной реальности, устная история реконструирует нарратив, который интервьюируемый создает из своей жизни [Дубина 2021, с. 158]. В проекте «У каждого своя Сибирь» я собираю спонтанные устные рассказы. В данном случае спонтан-

¹ См.: Ссылка калмыков: как это было: Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.

ность нарратива подразумевает, что рассказчик не готовится специально, а проговаривает свою историю с записью на диктофон, не задумываясь специально о подборе слов и выражений, используя те, которые первыми приходят на ум.

Биографическое интервью Г.Ц. Пюрбеева представляет интерес для многих, изучающих калмыцкую историю и культуру, ведь Григорий Церенович Пюрбеев – особенный человек для исследователей монгольского мира. Профессора Пюрбеева часто называют *багши*², учителем в самом высоком значении этого слова, за его высокие компетенции в монгольской филологии и культуре, за знание калмыцкого и монгольского языков, за готовность помогать молодым коллегам. Многое роднит его с образом духовного учителя: трудолюбие, скромность и доброта. Нам все важно из жизни Григория Цереновича, но годы депортации, которые были сложными для каждого калмыка, представляют особый интерес, поскольку опыт тех, кто шел вопреки обстоятельствам, сейчас бесценен.

Цель этой публикации – показать, как дети Сибири, представляющие «поколение 1,5», помнят школьные годы и первые уроки социализации, на примере одной биографии выявить сюжеты, образы и оценки, характерные для нарратива о длительном тяжелом периоде в биографии. Известно, что переезд в иную этнокультурную среду детей в возрасте до 12 лет не связан с такими трудностями адаптации, как у тех, кто был старше (поколение 1), но все же им было сложнее, чем родившимся в новом месте детям (поколение 2), – такую возрастную когорту называли «поколением 1,5» [Rumbaut 2004, pp. 1162–1163]. Травматический опыт выступает здесь основой и одновременно вектором движения, сводящим воедино сумму разрозненных действий [Ушакин 2009, с. 6]. Мною уже были проанализированы ряд мужских и женских нарративов калмыков «поколения 1,5» [Гучинова 2020; Гучинова 2021; Гучинова, Клименко 2022], и некоторые общие представления о его рамках памяти определены. Интервью Г.Ц. Пюрбеева поможет подтвердить или уточнить характеристики, свойственные памяти «поколения 1,5». При исследовании нарратива был использован герменевтический метод, ориентированный на анализ смыслов и значений, которые передают очевидцы, рассказывая о своей жизни.

Это интервью было записано декабрьским вечером 2021 г. в Москве, в квартире Григория Цереновича и Александры Павловны Пюрбеевых. Хочется отметить негромкий голос и неторопливую речь рассказчика. Мы были знакомы: Григорий Церенович был оппонентом на защите моей докторской диссертации

² Учитель (калм.).

в Институте этнологии и антропологии РАН в 2004 г. Интервью прошло на русском языке, но рассказчик часто использовал калмыцкие слова и выражения в тех случаях, когда речь шла о сокровенном, о таком дорогом, как *хальмг кели*³, в пересказе прямой речи, в названиях элементов калмыцкой материальной культуры и терминологии родства. Интервью было свободным, я задавала только уточняющие вопросы, которые были при подготовке сняты. Текст был расшифрован без изменений и авторизован.

Г.Ц. Пюрбеев

Родился я в 1940 г. в совхозе № 4, тогда совхозы были по номерам, сейчас этот поселок называется Первомайский. Я родился не на центральной усадьбе, а в 15 км от нее – на зимнике, отец и мать там проводили зиму со скотом, местечко называлось Шатта. Тогда скотоводы в Калмыкии еще кочевали: жили то на зимнике, то на летнике. Началась война. Отец – Пюрбян Церен Потунович, был вначале на брони как передовик-гуртоправ. Но в начале 1942 г. его призвали в армию и отправили на Воронежский фронт, а потом их часть перебросили ближе к Сталинграду. Там его путь и закончился. На подступах к Сталинграду на станции Котельниково шли ожесточенные бои. По свидетельству главного зоотехника и директора совхоза, с которым они вместе уходили и вместе воевали, мой отец был коммунист и такой человек, который не мог стать изменником. Просто он из боя не вышел... Мать от него получила только два письма, последнее письмо он написал как раз перед тем, как идти в бой. Отца я не помню, и фотографии не сохранились.

Мы – старенькая бабушка Манца, имя ее происходит от местности Маныч, там жили Манцахн, мама Гильдя Бадмаевна, она 1910 г. р., на момент выселения ей было всего 32 года. Мой старший брат Алексей, ему было 15 лет, среднему брату Сергею 11, сестре 8 лет и я, самый младший. У всех нас были калмыцкие имена. Это потом мы получили их переделки. Старший брат Лиджи стал Алексеем. Как и почему у них <местных> возникли такие ассоциации – непонятно. У Сергея было калмыцкое имя Джоога. Ему сказали: какой такой Джоога, мы не понимаем, будешь Сергеем и все. У Марии было калмыцкое имя Хонгр. Сказали: будешь называться Марией. Значение имени Хонгр для женщин – ласковая, нежная. Мягкие, шелковистые волосы детей называют *хонгр усн*⁴.

³ Калмыцкий язык (*калм.*).

⁴ Нежные волосы (*калм.*).

Я был тоже наречен калмыцким именем Гаря. Но пришел русский друг отца и спросил: ну кто там родился? Сын, назвали Гаря. И он сказал отцу, что хочет, как друг, назвать меня Григорием. Так я выехал <из Калмыкии> уже с неофициальным именем Григорий.

Из выселения я помню один момент – когда все уже сидели в машине и как меня подняли на грузовик и посадили кому-то из братьев на колени. А как везли нас на Дивное, как погрузили в вагоны, как отправили в далекую Сибирь – этой эпопее я не помню. Не могу сказать, что я слышал, как кричали, как умирали... Позже я спрашивал у брата как же так, у нас не сохранилось ни одной фотографии отца, я бы хотел посмотреть... Он сказал, что хотели взять отцовскую фотографию, но офицер не разрешил, сказал, что ничего нельзя брать. Дальше уже помню, как мы приехали на конечный пункт, в г. Куйбышев (Новосибирской обл.). Всех, кто был в вагонах, сразу отправили на помывку в баню. Помню большое здание бани, в зале туман, крики людей, плач. В бане были взрослые и дети, мужчины и женщины. Обработали нашу одежду, пока мы мылись. Потом нам дали команду собраться. Удержал в памяти, как нас забрали из бани на двух подводах. В деревню Епанешниково попала только одна наша семья, мы все годы в Сибири там и прожили. Это деревня, в которой был сельсовет. Наша вся последующая жизнь до самого возвращения проходила в этой деревне. Об общении с другими земляками не могло быть и речи.

Вначале нас поселили не в самой деревне, а на выселках, где на опушке леса стояла изба при колхозной ферме. Там доярки свои ведра оставляли после дойки. Первая зима была страшно морозная, настоящая сибирская. В этом доме была настоящая русская печь. Она спасала нас. Мы с бабушкой до весны на этой печке все время и провели. Помню хорошо, что редко когда слезал с нее, потому что было холодно. В первую же зиму мои братья пошли на работу. Ухаживали за скотом колхозным, за овцами и коровами. Мама тоже работала, кажется, сторожем, и я оставался с бабушкой и сестрой.

Старший брат на стене оставлял рисунки. Особенно я просил его нарисовать лошадь. Чтобы я не скучал один, он нарисует коня, а я должен был нарисовать рядом второго коня. Действительно, это задание я охотно выполнял. Я часто рисовал лошадей. Было у меня такое увлечение. Может быть, мечтал стать художником.

Лес был в двух шагах. Я часто наблюдал за зверями: то лиса заглянет прямо через стекло, то волки крышу сарая разгребали, хотели пробраться. Весной 1944 года нам дали нетель симментальской породы, эту породу из Германии завезли. Мы буквально ее молоком и жили, спасаясь от голода.

От старой жизни в Калмыкии помню, как мама собирала *өвсн*⁵ для *Зул*⁶, они зажигали лампаду *зул* и молились вдвоем с бабушкой, шепча: *ом мани пад ме хум*⁷. Бабушка ходила в длинном платье *хуутиң*⁸, в круглой шапочке, волосы были заправлены в *шиверлыг*⁹ с *токугами*¹⁰. Из дома взяли старинную сандаловую чашу. Не знаю, что с ней стало.

Брат неплохо знал русский язык, все-таки Алексей закончил 5 классов. Мы в первую зиму меняли наши вещи на продукты. Помню, тулупчик был, очень хороший, красиво расшитый галунами. Когда все другие вещи кончились для обмена, то и этот тулупчик отдали за ведро картошки. Первую зиму мы кое-как выдержали.

Весной бабушка умерла. Запомнилось, как мы отвезли ее на русское кладбище, где стояли две большие березы. Бабушку там <в Сибири> оставили, но все мы вернулись, сохранили свои жизни, потому что братья и сестра сразу пошли работать на колхозную ферму.

Колхоз назывался красиво и громко – «Наша Родина». Но это была лишь пародия. Брат Сергей работал, пас колхозных овец. В 1947 г. он отличился: поголовье не только сохранил, но и получил большой прирост стада. Его наградили, выдали премию натурой – пять овец. Сейчас я удивляюсь, как в такое время, да еще «изменников родины», наградили? Наверное, был твердый закон: раз есть показатели, следовало наградить. Всю зиму мы этим мясом питались. Жили, конечно, трудно и очень голодно. Я по весне ходил по огороду и собирал мерзлую картошку, из нее мы пекли лепешки. Весной и летом собирали крапиву, лебеду. Из лебеды кашу варили, заправляли молоком. Летом уже собирали дикий лук, чеснок, разные ягоды. Коровы у нас уже не было, наверное, мы ее продали, чтобы получить деньги на покупку одежды. Но брат иногда приносил молоко с фермы. 46-й, 47-й и 48-й годы мы, как могли, пережили.

⁵ Здесь: сухие стебли трав для изготовления фитиля для обряда prolongation лет.

⁶ На календарный праздник *Зул* (калм. «лампада») для обряда prolongation лет готовили из теста лампаду в виде лодки, в которую втыкали фитили по числу членов семьи.

⁷ Шестислоговая мантра Амитаюса, Будды милосердия, самая распространенная у калмыков.

⁸ Повседневное платье замужней женщины.

⁹ Текстильные чехлы на косы, атрибут прически замужней женщины.

¹⁰ Подвески на шиверлыг, обычно серебряные, в форме, напоминающей наконечник стрелы.

В 47-м я пошел в первый класс. Вначале не хотели меня отпустить в школу, так как я уже мог помогать старшим. Но мать и старший брат настояли, чтобы я пошел в школу. На тот момент я ни одного русского слова не знал. С материнским молоком я усвоил родной язык. Общаться мог только с матерью <на калмыцком языке>. Братья и сестра с утра до позднего вечера были заняты на работе. Приходили поздно, уставшие. Работа у них была тяжелая. Я не помню, чтобы они хоть что-то говорили. И в свободное время у них всегда были дела по дому или во дворе. Зимой приходилось откапываться от снега, нашу избу заносило по самую крышу. С 5 класса я пошел на квартиру, по субботам приходил домой, говорил с матерью, отвечал на вопросы матери и сам спрашивал.

В школе, когда учился в первом классе, только и видел, что учительница что-то пишет на доске, и я старательно срисовывал это. У меня в тетради всегда были аккуратно написанные палочки, косые или прямые. Учительница понимала мое состояние и верила, что придет время, и я овладею русским языком и заговорю. Так и получилось. К концу учебного года, в 4-й четверти, я стал отличником. Буквально в один день вдруг пришло живое слово, и я заговорил по-русски и удивил всех знанием языка. Я выполнял все задания очень хорошо.

Но до этого был такой момент. К тому времени в нашей деревне появилась еще одна калмыцкая семья. У них был мальчик Борис, на два года старше меня. Я учился в первом классе, а он – в третьем. Однажды он пришел к нам, а в это время я открыл тетрадку и показывал матери и братьям, какую хорошую оценку получил красным цветом. Я думал, раз красным цветом, значит, хорошая. И этот мальчик пришел и разоблачил меня: «Да он, знаете, какую оценку получил? Это называется кол. Он хвастается перед вами, что получил хорошую оценку!» Вот такая история была.

Когда я учился в третьем классе, был прием в октябрята. Я слышал, что октябрята – такие примерные ребята. Всех приняли в октябрята, а меня – нет. Мне не стали объяснять почему. В конце четвертого класса принимали в пионеры. Я учился неплохо. Других ребят приняли, а мне опять притормозили прием. Я остался не пионером. А мне очень хотелось повязать красный галстук на белую рубашку. Казалось, это так красиво.

Когда я стал понимать русский язык, то до меня начало кое-что доходить... Как-то ребята с другого края деревни подрались с ребятами с нашего края, а наша хата была самая крайняя. И я был в той потасовке. Меня не избили, но изваляли и обзывали по-разному. Тогда-то я услышал «семь раз нерусский». Потом все прошло, я спросил у тех ребят, как это «семь раз нерусский?» Они стали перечислять: нос плоский, глаза узкие, еще на что-то указывали...

В старших классах я уже ничего такого не слышал. Но в послевоенное время среди школьников была дедовщина, потому что много переростков было, они младших терроризировали, заставляли собирать окурки, табачок и все такое. Но оскорбления на национальной почве типа «предатели», «людоеды» я не слышал.

Сначала я учился в малокомплектной школе. Позже надо было ходить в семилетку, за семь километров на центральную усадьбу. В шестом классе по просьбе учительницы ботаники я нарисовал препарированную лягушку, намного крупнее, чем в учебнике. А когда сказали, что надо классную газету выпустить к следующему дню, все сказали, чтобы мне поручить. Стенгазета называлась «Еж». Все ушли домой, а меня оставили одного. И к девяти часам я только справился с этим заданием. Никто не подумал, что мне идти потом семь километров одному в темноте. Такие истории были.

После 7-летки я уже пошел учиться за 10 км в районный центр в село Чумаково Михайловского района. Из нашего класса почти все пошли работать, только двое продолжили учебу: я и дочь председателя колхоза. Он ее отвозил в школу и привозил. Бывало, что я шел пешком, а они мимо проезжали и ни разу не сказали: «Ну-ка, садись с нами». Видимо, игнорировали, зная, что я калмык.

С одноклассниками я очень сдружился, мы много времени проводили вместе. Я и в школьных концертах участвовал. Как-то мы давали концерт в лесхозе. Поехали мы целой агитбригадой и, помню, пели песню из кинофильма «Весна на Заречной улице» и романс «Осенние листья».

В школе был большой огород. Весной нужно было провести работы на огороде, но не хватало своего инвентаря. Директор вызвал меня и говорит: «Такое поручение. Купите в сельпо инвентарь для работы на огороде». Я добросовестно выполнил и купил тяжелые вилы, 3 штуки, лопаты 3 штуки, 3 граблей и притащил за 10 км кое-как: то волоком, то на плечах. Директор выстроил линейку и перед всеми сказал: «Мы сейчас будем работать, а инструменты для работы принес на себе ученик 9 класса за 10 км».

Продолжалась кампания ликбеза. Нашлись люди, которые были неграмотны, не умели читать и писать, но хотели научиться. А женщина, у которой я на квартире стоял, была в числе таких желающих овладеть грамотой. Директор как-то меня вызвал и говорит: «Ты живешь у женщины на квартире. Она видела, что ты читаешь роман “Тихий Дон”, и тоже очень захотела. Научи ее грамоте. Труд будет оплачен». Ей было лет 50, мне она казалась старой. Действительно, я одну зиму с ней занимался, и нам обоим устроили экзамен. По итогам мне было выплачено 100 рублей. А за квартиру я платил 25 рублей в месяц. Получилось, что я четыре месяца сам за себя оплатил.

Когда меня принимали в комсомол, директор задал мне вопрос: «Какую книгу ты сейчас читаешь?» – «Угрюм-река». – «Хорошая книга». – «А кто автор?» – «Не могу вспомнить, забыл». – «Вот тебе первое и главное замечание: когда книгу читаешь, надо начинать с автора».

Окончил я школу с похвальной грамотой. Это был 1957 г. Действительно, я с одной четверкой закончил. По всем предметам у меня было 5, но по геометрии 4.

Недалеко от нас жила многодетная русская семья Опариных. Я подружился с одним из их мальчиков, который был помладше меня. Мы были не разлей вода. После школы в субботу домой забегу и сразу к ним. Опарины меня кормили-поили как своего, даже больше – старались самое вкусное дать. Ко мне относились ласково, всегда сажали за стол. Они православные были, у них была божница, икона. Они крестились перед едой и после, читали молитву. Отец возил за 15 км молоко в бидонах на молокозавод. В хозяйстве у них было несколько овец, корова.

У моего брата, как у скотника, было много трудодней, чуть ли не тысячу. Расчет был такой: копейка за трудодень. Если даже брат получал зарплату, то его обязывали добровольно-принудительно подписаться на облигации займа. А еще надо было платить натуральный налог. После 1953 г. мы завели кур, их у нас было 5 штук. И мы должны были в конце года сдать налог – 300 яиц.

Бабушка всегда носила длинное платье (*хуутиң*), косы заправляла в *шиверлыги*, на конце которых были два серебряных *токуга*, и калмыцкая круглая шапочка. Потом она, видимо, передала *токуг* моей матери, а с ними произошло то же, что и со старинной, очень дорогой сандаловой чашкой, которую, видимо, обменяли на что-то из еды. Не уцелело ничего. Не помню, чтобы у бабушки были четки. В сибирской избе *зул* не зажигали. У нас и не было ничего из того, что следует зажигать свечи. Бабушка в первый год молилась, но не скажу, что истово и долго. Она что-то шептала, а я лежал рядом. Обряды она не совершала, может, и не могла по состоянию здоровья. Накануне, до того как мы были депортированы, моя мать и сестра ходили в поле и собирали специальную траву для лампады – *зул шатадг овси*¹¹. Помню хорошо, что бабушка и мать молились. Я запомнил, как они низко наклонялись и шептали «*Ом мани падме хум*». А после выселения ничего такого я не помню.

Вообще, мать ничего не говорила о нашей жизни до депортации. Я даже не знал о войне, и день Победы никто в деревне шумно не праздновал. Но в день смерти «отца народов» – Сталина – плач стоял! Я тогда заканчивал 6-й класс, 5 марта 53-го г. отменили

¹¹ Стебли травы для лампады.

занятия. День выдался солнечный, морозный. Учителям было не до нас, все плакали, нас отпустили, сказали, что занятий не будет. Я сгрел свои вещи и побежал домой за 7 км с каким-то радостным чувством. У меня такой подъем духа был. Все вокруг плачут, а я внутренне радовался, что можно домой. Когда пришел домой, там никто об этом и не знал.

Когда я пошел в школу, я осознал, что я другой. Я чувствовал отношение к себе... Начал ощущать это потому, что по национальности я калмык, и потому ко мне такое отношение.

Позже в нашей деревне появилась другая калмыцкая семья, с которой мы более-менее общались. Дядя Борва, фамилию не помню. Он пришел не с фронта, а из Широкагана. Нашел свою жену, которая жила в нашей деревне. У них потом появились дети, родилась дочь и мальчик, с которыми они потом вернулись на родину. Они были из-под Ики-Бурула. С ними у меня получалось общаться только в субботу, длительного общения с ними не было.

Понятия «праздник» не был и еда особенной не было. По итогам трудового года у брата выходило много трудовней, до тысячи. А выплачивали из расчета: одна копейка за трудодень. Но когда рассчитывали, сразу обязывали подписаться на облигации. Еще был налог натурой. В 1953–1954 гг. мы завели небольшое хозяйство: кур и поросенка. И налоговый агент ходил, описывал всю живность и обязывал в конце года сдать 300 яиц, а с поросенка – налог мясом. Летом случилась беда – нашего поросенка задавила машина, а он уже весил прилично. Мать плакала, как быть, как налог заплатить. Пришлось брату поехать в районный центр и купить мясо с ветеринарными штампами, чтобы сдать налог натурой и выполнить госпоставки.

С яйцом произошла целая история. Весной одна курочка сдохла. Оставшиеся начали нести только с июня и никак не могли снести предусмотренное налогом количество. Однажды, придя из школы, тогда учился я в 7-м классе, мы с моим русским другом пошли погулять по деревне и увидели, что привезли в сельпо яйцо на продажу в ящиках со стружкой. Это было редкостью. Я скорей побежал домой, крича: *өндг авч иржи*¹², и мы собрали все имеющиеся деньги и купили яиц, сколько смогли. И таким образом удалось заплатить налог.

А вот другая история. Мой брат как-то пошел помочь поправить изгородь одной вдове. У нее свинья принесла поросят. Когда пришел агент описывать имущество, она их спрятала, а когда агент собирался уходить, поросята выдали себя визгом. Услышавший

¹² Яйца привезли (калм.).

это налоговый начал страшно ругать бедную женщину за укрывательство, угрожая ей тюрьмой и прочим. В те времена налоговый агент был пострашнее коменданта.

С моим братом Сергеем вышла следующая история. Он пас колхозных овец и коров. Молодежь соседней деревни (что в 3 км), но другого, Михайловского, района встретилась с молодежью нашего Куйбышевского района на полевом стане. Они решили вместе повеселиться, попеть песни, поплясать. Там среди молодежи был мой брат. И кто-то донес коменданту, что брат отлучался в другой район. Комендант приехал, арестовал его и хотел увезти в райцентр, чтобы посадить на 15 суток. Но председатель отстоял его, сказав: «А кто будет пасти колхозный скот?» То был серьезный довод, чтобы его оставить. Я тогда заканчивал 9 класс, был 1956 г., и я уже не подлежал учету в комендатуре, а старшие продолжали ходить отмечаться в сельский совет. Комендант приезжал каждый месяц из районного центра, г. Куйбышева. Без его разрешения никто не имел права выезжать из своей деревни.

Когда я получал паспорт в марте 1957 г., мне пришлось идти пешком 50 км в райцентр. На середине пути находилась деревня Павловка, в которой создали МТС и обучали механизаторов. Там проходил курсы трактористов наш *худ көвүн*¹³, приходившийся братом жены Сергея. Я должен был найти его и остановиться переночевать. Добрался туда к вечеру, заночевал и на другой день продолжил путь. Сам получал паспорт, в котором была указана национальность «калмык».

Старший брат Алексей переехал в 1946 г. в совхоз Осиновский, где проживала большая калмыцкая община. Брат нашел там свою половинку, русскую девушку, и женился на ней. Она работала дояркой, а брат Алексей – механизатором. Оба были в одной бригаде. Анна Ивановна и Алексей с сыном и дочерью приехали в 1958 г. в Калмыкию и до последнего дня жизни были вместе. В 1982 г. Анна Ивановна скончалась, а брат мой прожил долго и умер на 87 году.

Родители Анны Ивановны не были против, что жених – калмык. Когда в мае 1949 г. у них родился сын Гена, я приезжал к ним нянчить его. Анна Ивановна часто ездила к своим родителям, навещала братьев и старшую сестру, которая даже приезжала в 1967 г. в Калмыкию. Лето тогда выдалось очень жаркое, засушливое, с пыльными бурями. И она говорила своей сестре: вот куда надо ссылать людей, а не в Сибирь. Как здесь можно жить? Нет воды, голая степь и невыносимая жара. А жена брата ответила ей, что вышла замуж за калмыка и потому здесь. Добрейшей души

¹³ Свойственник (калм.).

была женщина. Я к ним приезжал в Осиновский совхоз, и они мне всячески помогали, обували, одевали. Когда я приехал учиться в Ставрополь, они мне оттуда присылали посылки. Я приехал в одной рубашке, а в Ставрополе начались осенние холода. Я им написал письмо, что хожу в одном пиджаке и поэтому простудился и заболел. И они выслали мне пальто его получил в декабре почтой и еще долго ходил в нем.

В 1957 г. я закончил школу и получил письмо от *нахцх*, дяди по матери. В 1956 г. он приехал в Приятное и получил должность начальника райкоммунхоза. Он написал мне письмо в сибирскую деревню и сообщил, что калмыцкую молодежь, прибывшую на родину, распределяют по вузам, и можно поступить в любой институт, написал, что экзамены проходят на месте. Приезжай ко мне и поступай, куда хочешь. Я сразу же засобирался. Опять же смог помочь только старший брат, он собрал деньги на дорогу, и я приехал в Ставрополь в 1957 г. Хотел поступать в медицинский институт, но моим планам не суждено было сбыться: я заболел месяц, а за это время экзамены в вузах города уже прошли. Больница, в которую я попал, была на окраине Ставрополя. Как-то парень-калмык, учившийся в милицейской школе, проходил мимо больницы, в которую меня положили. Увидев меня во дворе больницы, он подозвал и спросил на калмыцком: *чи, көвүн, энд ю кежэхми?* (ты, парень, что здесь делаешь?) Я ответил, чуть не плача, тоже на калмыцком: «*Би гемтэд*, (я заболел) уже месяц лежу в больнице. Ехал поступать, а все экзамены в вузы прошли, что теперь делать, не знаю, и никаких денег нет у меня». Сказал, что никому не сообщал, что заболел в дороге и вынужден лежать в больнице. На что он мне сказал: «Знаешь, здесь есть педагогический институт, в который принимают калмыцкую молодежь для изучения своего родного языка. Заведующего отделением калмыцкого языка и литературы я знаю – это профессор Б.Б. Бадмаев. Я встречусь с ним и поговорю про твой случай». Буквально на другой день он мне говорит: «*Би куундэ авчкув* (я с ним поговорил), и Бата Бадмаевич приглашает тебя. Но экзамены надо будет сдавать экстерном».

Главный врач меня не отпускает, так как подозрение было на инфекционное заболевание. Но все-таки он отпустил. Мой новый знакомый привел меня к Бате Бадмаевичу. Начиная беседу, Бата Бадмаевич спросил у меня: *көвюн, чи яһад эврэннь төрски кели меддүвч?* (Парень, откуда ты знаешь родной язык?) – *Ээжм намаг терски кел дасхла, – гиж хяру өгв* (мама моя меня научила, так я ответил). Он сказал, что сейчас многие не могут связно говорить на родном языке, и оценил то, что я могу вести разговор на родном языке. А еще он сказал, что мне надо сдать завтра дру-

гие экзамены: сочинение, русский язык (устный), иностранный (немецкий), пока преподаватели не ушли в отпуск. К удивлению, я сумел сдать все полагающиеся экзамены.

К этому времени я остался совсем без денег. В последние дни хватало только на хлеб и кефир. Я вез целый чемодан книг, который сдал в камеру хранения на вокзале. Я узнал, что задолжал страшно, а у меня не было ни копейки денег. А прошел уже месяц. Начальник вокзала вошел в мое положение и наложил резолюцию: «Считать билет действительным». Мой билет был до станции Дивное, и я поехал к дяде после зачисления в институт. Я приехал в с. Приютное, где ждал меня дядя Очир. Он тепло встретил и познакомил со своей семьей. Я провел в гостях десять дней, хорошо отдохнул. Дядя приделал меня: подарил красивую рубашку, тубетейку и костюм. Поехал на учебу во всем новом.

Бата Бадмаев был веселым человеком, всегда много шутил с нами, студентами. Мы так заслушивались его, что иногда практически все занятие могло так и пройти. Чаще всего он рассказывал нам про охоту. Страстный охотник за лисами, он был очень добрым человеком. Нередко звал к себе на чай своего племянника Эльтона Эрдниевича Бадмаева и заодно меня. По приглашению Баты Бадмаевича в Ставрополь для чтения лекций по литературе и фольклору приезжали известные калмыцкие писатели, поэты и ученые: С.К. Каляев, А.Ш. Кичиков, И.М. Мацаков и другие.

Всего в Ставрополе было два набора. В 1957 г. был набор на двухгодичные курсы для учителей начальных классов. А я был в группе с 5-летним обучением на преподавателя средней школы. На двухлетних курсах учились братья Бартуновы, у которых был хороший калмыцкий язык. Сергей Бартунов после окончания приехал в Элисту, и его сразу взяли в редакцию газеты «Хальмг унн». Борис Ченкалев стал диктором радио и телевидения. Другие выпускники были распределены по школам республики. Некоторые выпускники пошли преподавать калмыцкий язык и литературу в педучилище, а кто-то стал работником Калмыцкого книжного издательства. В 1959 г., будучи студентом 3-го курса, я перевелся на заочное отделение и начал работать учителем районной школы с. Кетченеры. Однако через полтора года по состоянию здоровья (признали тbc легких) я вынужден был оставить занятия в школе и выехать на лечение в краевую туббольницу г. Ставрополя, а затем продолжить лечение в Крыму.

Комментарии

В тексте интервью мы видим обстоятельства, сюжеты, характерные для «поколения 1,5»: старшие члены семьи, которые работают без выходных, школьная социализация, учителя и оценки, детские забавы и обязанности, первая дружба, повседневные практики сибирской деревни того времени глазами школьника и конформативные акции, обеспечивавшие молодежи незаслуженно репрессированной этнической группы поступление в вузы.

Другим из таких свойств является двойная темпоральность воспоминаний о той эпохе, когда события были зафиксированы в детской памяти, а оценки даются уже опытным человеком. Такая же сложная темпоральность проявляется у рассказчика в рефлексии по поводу названия колхоза «Наша Родина»: *это была пародия на нашу Родину*. У детей, выросших в СССР, наша родина осталась образом могущественной державы, а та малая родина, в которой провел рассказчик 13 лет, с ее скудной экономикой, была далека от ее официального парадного образа. Хотя миллионы таких колхозов, в которых колхозники работали весь световой день, получая одну копейку за трудодень, и составляли большую часть страны, но школьник, чей голос был актуализирован, привык гордиться достижениями своей страны. Также возможно, что позитивное восприятие низкой отметки, поставленной в тетради красными чернилами, также было связано с отношением к красному цвету как положительному, которым писались транспаранты и главные заголовки в учебниках.

Важным для «поколения 1,5» было то обстоятельство, что его представителям не пришлось ежемесячно ходить в комендатуру, лично испытывая унижение за принадлежность к стигматизированной группе и страх общения с комендантом с глазу на глаз. Вдобавок к устрашающей фигуре коменданта появляется фигура налогового инспектора, которого к середине 50-х годов стали опасаться не менее коменданта. Репрессии калмыков по «национальному признаку» усиливались экономическим давлением и принуждением к дополнительным поборам в виде займов вдобавок к и без того тяжелому натуральному налогу, распространявшемуся на всех колхозников страны.

Предложенный нарратив относится к конкретной судьбе, но вполне может представлять коллективную биографию всего поколения. Трудная жизнь ребенка, отец которого погиб на фронте, без языковых и социальных компетенций большого сообщества, который в дошкольном возрасте должен был заботиться о хлебе насущном наравне со старшими братьями, – все это было знакомо сотням и тысячам его ровесников.

Судьба Пюрбеевых, которые долгие годы были единственной калмыцкой семьей в деревне, – яркий пример дисперсного расселения калмыков по Сибири. Если другие калмыцкие дети, выросшие в сибирском селе, но в семьях, в которых родители знали русский язык, не могли противостоять социальному напору русского языка, то для Гаря/Григория калмыцкий язык стал материнским языком в самом полном значении этого выражения. Мать была его единственным собеседником, пока он не освоил русский язык, но и позже контакты с ней были возможны только на родном языке. Рассказывая матери о своей школьной жизни, Гриша осваивал новую социальность в категориях калмыцкой культуры и языка. Как пуповина, калмыцкий язык связывал мальчика с родной материнской культурой, позволив сохранить живое слово. Именно это достоинство подростка стало определяющим и в его жизни ученого, получившего признание авторитетного языковеда во всем монголоязычном мире.

В тексте интервью встречаются термины родства: дядя по матери, нахцха, брат зятя. Номенклатура монгольской коллатерально-бифуркатной системы родства плохо переводится на русский язык, но для такого собеседника, как Г.Ц. Пюрбеев, нет непередаваемых выражений: он один из авторов и ответственный редактор большого академического русско-монгольского словаря¹⁴ и большого монгольско-русского словаря¹⁵. И, как мы видели, рассказчик оставляет на родном языке сокровенные для него категории родной культуры, в их число входит система родства, за которой стоят и образы родственников, готовых прийти на помощь в любое время, и сама идея родства, обеспечивающего единство близких и дальних членов рода, вместе составляющих народ.

Текст интервью показывает, как быстро ушла материальность традиционной культуры в новых экстремальных условиях. Не все взяли с собой во время срочных сборов важные для калмыцких семей предметы, например, таких как лампада зул, видимо, впопыхах были забыты четки, не позволено было забрать фотографии. Из того, что было, все хорошие вещи (тулупчик, сандаловая чаша) пришлось обменять на продукты. Вместе со старшим поколением уходила из повседневного обихода калмыцкая одежда. Бабушка была последней в семье Пюрбеевых, кто носил калмыцкое платье, шапку и шиверлыги.

¹⁴ Академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001.

¹⁵ Пюрбеев Г.Ц. Большой академический русско-монгольский словарь: В 4 т. М.: Восточная литература, 2017.

Уже после снятия с калмыков статуса спецпереселенцев и возвращения в родные места рассказчик упоминает костюм, который ему, как студенту, справили родственники. Конечно, это была одежда европейского образца. Исключение составляет тибетейка. Традиционный головной убор жителей Средней Азии был очень популярен в 1930–1950-е гг. в СССР как один из символов интернациональных ценностей советских людей. После возвращения из эвакуации в Средней Азии многие москвичи и ленинградцы, особенно представители творческих профессий, продолжали их носить. Известны фотографии в тибетейке многих известных людей, например М. Горького. Сохранились фотографии в тибетейках и калмыцких поэтов К. Эрэндженова и С. Каляева. Так что в отсутствие калмыцкого мужского головного убора, который было невозможно сохранить и позже невозможно купить, его нишу иногда занимала тибетейка, которая своим кроєм слегка походила на распространенный калмыцкий головной убор.

Так же, как и традиционная одежда, исчезает в семье Пюрбеевых религиозность. Бабушка еще тихо молилась, но после ее ухода в иной мир буддийские мантры уже не слышны в их доме. Воспоминания о том, как собирали сухие травы на Зул, также относятся к жизни до выселения, когда микрокосмос калмыцкой семьи еще не был разрушен.

Молодежь «поколения 1,5», привыкшая к сибирской природе, не сразу оценила неброскую красоту калмыцкой степи. На невыносимую жару, пыльные бури, отсутствие лесов, рек и гор жаловалась недавно увидевшая предписанную родину калмыцкая молодежь. В отличие от других представителей «поколения 1,5», мой собеседник не говорит о своих чувствах, а приводит слова своей свойственницы – сибирячки, навестившей свою сестру, сноху Г.Ц. Пюрбеева, что «ссылать надо было не в Сибирь, а в Калмыкию», в которой климатические условия несравненно хуже сибирских. В шутках такого рода оппозиции «родина / чужбина» рассматриваются как природно заданный «комфорт / дискомфорт». Несмотря на необустроенность родины, в отличие от климатически благоприятной ссылки, конечно, не природными условиями были страшны годы депортации. Наказанием был гнет несправедливого обвинения, унижительные социальные условия.

Для «поколения 1,5» характерно сверхусердие, которое показывает мальчик в стремлении быть достойным членом общества. Он не отказывается от сложных поручений, кажущихся нам сегодня совсем не по годам школьнику, который должен выполнять их в одиночку. Обучение шестиклассником-калмыком грамоте взрослой русской женщины также выглядит парадоксально

для тех лет, но, похоже, что педагогический дар проявился у Г.Ц. Пюрбеева рано.

Необычным для историй сибирского детства является дружба мальчика с семьей Опариных, в которой Гришу полюбили как своего. Мы не знаем, была ли это семья старообрядцев, но православные практики, как, например, молитва перед едой и после, наличие икон в красном углу говорят о том, что исполнение обрядов не было тайным, что таким образом они доверяли калмыцкому мальчику Грише, на деле признавая его за своего, и наконец, что христианское благочестие Опариных включало гуманность в самом конкретном проявлении.

В рассказе о депортации как о травматическом периоде жизни непременно должен присутствовать язык травмы. Самые первые его проявления – это упоминания животных, которые в отсутствие людей становились персонажами жизни за окном: то лиса, то заяц, то волк, как в сказке, появляются равными персонажами рассказчику. Другими травма-пунктами ребенка стали сюжеты, отражающие проявления социальной исключенности: непринятие в октябрята, непринятие в пионеры, нежелание подвести ребенка в ту же школу.

Границы чуждости, ощущаемые местными ребятами, – семь раз нерусский – ограничиваются фенотипическими отличиями и языковыми. «Семь раз» – в герменевтическом смысле синоним «много раз». И те же ребята позже не могут перечислить даже эти семь знаков нерусскости / чуждости, обнаруживая, что различий на самом деле не так много.

О сверхусердии как стратегии адаптации к принимающему обществу, о редукции этничности, особенно в материальной культуре, о трудном принятии калмыцких степей как родины рассказывали многие калмыки «поколения 1,5» [Гучинова, Клименко 2022, с. 106, 111; Гучинова 2008, с. 205, 216], здесь история Пюрбеева, можно сказать, типична. Редкими оказались сведения о налоговом бремени, проблемы которого были за рамками интересов для многих детей из «поколения 1,5». Но уникальной для нас стала лингвистическая биография Г.Ц. Пюрбеева, как будто судьба вела его к миссии хранителя калмыцкого языка.

Рассмотренный текст является позитивным нарративом в терминах Дж. Александера [Александр 2013] – рассказчик не скрывает перенесенные трудности, но и не акцентирует внимание на них. Как и тысячи его калмыцких ровесников, он преодолел вызовы судьбы. Рассказ о жизни в Сибири – это еще один важный урок нашего Учителя.

Литература

- Александр 2013 – *Александр Д.* Смыслы социальной жизни: культур-социология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
- Гучинова 2008 – *Гучинова Э.-Б.М.* У каждого своя Сибирь: Ссылные калмыки в Средней Азии // *Дiasпоры*. 2008. № 1. С. 194–220.
- Гучинова 2020 – *Гучинова Э.-Б.М.* У каждого своя Сибирь: Два женских рассказа о депортации калмыков // *Монголоведение*. 2020. № 4. С. 778–800.
- Гучинова 2021 – *Гучинова Э.-Б.М.* Нарративы детей Сибири о депортации калмыков: Интервью с В.И. Бадмаевым и А.Н. Овшиновым // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742.
- Гучинова, Клименко 2022 – *Гучинова Э.-Б.М., Клименко Г.А.* «У меня была хорошая Сибирь»: Устные истории о депортации калмыков «поколения 1,5» // *Этнография*. 2022. № 2 (16). С. 94–117.
- Дубина 2021 – *Дубина В.* Биография // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. В. Дубиной, А. Завадского. М.: Новое издательство, 2021. С. 143–172.
- Томпсон 2003 – *Томпсон П.* Голос прошлого: устная история. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
- Ушакин 2009 – *Ушакин С.А.* «Нам этой болью дышать?»: О травме, памяти и сообществах // *Травма: пункты: Сборник статей* / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
- Rumbaut* 2004 – *Rumbaut R.G.* Ages, life stages, and generational cohorts: decomposing the immigrant first and second generations in the United States // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No. 3 (Fall). P. 1160–1205.

References

- Aleksander, J. (2013), *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tur-sotsiologiya* [The meanings of social life. A cultural sociology], Praksis, Moscow, Russia.
- Dubina, V. (2021), “Biography”, in Dubina, V. and Zavadskii, A. (eds.), *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [Everything is in the Past: theory and practice of public history], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 143–172.
- Guchinova, E.-B.M. (2008), “Everyone has their own Siberia. Deported Kalmyks in Central Asia”, *Diasporas*, vol. 1, pp. 194–220.
- Guchinova, E-B. M. (2020), “Everyone has their own Siberia. Two female stories about the deportation of the Kalmyks”, *Mongolovedenie*, vol. 4, pp. 778–800.

- Guchinova, E.-B. M. (2021), "Narratives of children of Siberia about the deportation of Kalmyks. Interview with V.I. Badmaev and A.N. Ovshinov", *Oriental Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 722–742.
- Guchinova, E.-B.M. and Klimenko, G.A. (2022), "‘I had a good Siberia’. Oral stories about the deportation of Kalmyks of ‘generation 1.5’ ", *Etnografia*, vol. 16, no. 2, pp. 94–117.
- Rumbaut, R.G. (2004), "Ages, life stages, and generational cohorts: decomposing the immigrant first and second generations in the United States", *International Migration Review*, vol. 38, no. 3 (Fall), pp. 1160–1205.
- Tompson, P. (2003), *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya* [The voice of the Past: oral history], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Ushakin, S.A. (2009), "‘We need to breathe this pain?’ On trauma, memory and communities", in Ushakin, S.A. and Trubina, E. (eds.), *Trauma: punkty* [Injury: points], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 5–41.

Информация об авторе

Эльза-Баир М. Гучинова, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32А; bairjan@mail.ru

Information about the author

Elza-Bair M. Guchinova, Dr. of Sci. (History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; bairjan@mail.ru